

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СОЕД. ШТ. СЕВ. АМЕРИКИ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ЭДГАРА ПО

EDGAR ALLAN POE

1809—1849

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЭДГАР ПО

РАССКАЗЫ

ТОМ I

ПЕРЕВОД М. А. ЭНГЕЛЬГАРДА

БЕРЛИН МСМХХІІІ

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ГАНСА ПФАЛЛЯ.

По последним известиям из Роттердама, этот город находится в сильнейшем философическом возбуждении. Там произошло нечто столь неожиданное — столь новое — столь несогласное с установившимися мнениями, — что, я не сомневаюсь, в непродолжительном времени вся Европа придет в волнение, естествоиспытатели всполошатся, и в среде астрономов и натуралистов начнется смятение невиданное..

Кажется, дело происходило так: — числа, — месяца, (я не могу сообщить точной даты) огромная толпа собралась неизвестно зачем на Биржевой площади благоустроенного города Роттердама. День был теплый — совсем не по времени года — без малейшего ветерка — и благодушное настроение толпы ничуть не портилось от того, что иногда spryskival ее легкий дождичек из густых серых туч, в изобилии рассеянных под голубым небосклоном. Тем не менее около полудня в толпе обнаружилось легкое, но необычайное волнение: десять тысяч языков забормотали разом; спустя мгновение десять тысяч трубок, словно по приказу, вылетели из десяти тысяч ртов, и продолжительный, громкий, дикий крик, который можно сравнить только с ревом Ниагары, раскатился по улицам и окрестностям Роттердама.

Причина этой суматохи вскоре выяснилась. Из-за резко очерченной массы одного из упомянутых выше облаков медленно выдвинулась и обрисовалась на ясной лазури какая-то странная, пестрая, но, повидимому, плотная штука такой курьезной формы, такого причудливого устройства, что толпа крепкогоголовых бюргеров, стояв-

шая внизу, разинув рты, могла только дивиться, не понимая в чем дело. Что бы это было? Ради всех чертей Роттердамских, что бы это могло означать? Никто не знал, никто не понимал, никто — даже сам бургомистр мингер Супербус фон Ундердук не обладал ключем к этой тайне; и так как ничего более разумного нельзя было придумать, то в конце концов каждый из бургеров вложил трубку обратно в рот и, не спуская глаз с явления, выпустил клуб дыма, приостановился, переступил с ноги на ногу, значительно хмыкнул, — затем снова переступил с ноги на ногу, хмыкнул, приостановился и выпустил клуб дыма.

Тем временем объект этого усиленного любопытства и причина этих многочисленных затяжек спускался ниже и ниже над благополучным городом. Спустя несколько минут его можно было рассмотреть в подробностях. По-видимому, это был... нет, это действительно был воздушный шар; но, без сомнения, такого шара еще не выдвали в Роттердаме. Кто же, позвольте вас спросить, слышал когда-нибудь о воздушном шаре, склеенном из старых газет? В Голландии — никто, могу вас уверить; и тем не менее, в настоящую минуту под самым носом сборища, или точнее сказать, на некоторой высоте над носами колыхалась именно эта самая вещь, устроенная, по сообщению вполне надежного авторитета, из упомянутого материала, как всем известно, никогда не употреблявшегося для подобных целей. — Жестокое оскорбление наносилось здравому смыслу роттердамских бургеров. Форма шара оказалась еще обиднее. Он имел вид огромного дурацкого колпака, опрокинутого верхушкой вниз. Это сходство ничуть не уменьшилось, когда, при более внимательном осмотре, толпа заметила огромную кисть, подвешенную к верхушке, а вокруг верхнего края или основания конуса ряд маленьких инструментов, вроде бубенчиков, вызванивавших песенку Бетти Мартина. Мало того, к этой фантастической машине была привешена вместо лодочки огромная темная касторовая шляпа с полями широчайшими, обвитая вокруг тульи черной лентой с серебряной пряжкой.

Замечательное дело: многие из роттердамских граждан

готовы были побожиться, что им уже не раз случалось видеть эту самую шляпу, да и все сборище смотрело на нее, как на старую знакомую, а фрау Греттель Пфалль, испустив радостное восклицание, объявила, что это собственная шляпа ее дорогого мужа. Необходимо заметить, что Пфалль с тремя товарищами исчез из Роттердама лет пять тому назад самым неожиданным и необычным образом, и с тех пор не было о нем ни слуха, ни духа. Позднее, в глухом закоулке на восточной окраине города откопали кучу костей, повидимому, человеческих, в груде какого-то странного хлама, и некоторые из граждан вообразили, что здесь совершилось кровавое злодеяние, жертвой которого пали Ганс Пфалль и его товарищи. Но вернемся к происшествию.

Воздушный шар (так как это был несомненно воздушный шар) находился теперь на высоте сотни футов, и публика могла свободно рассмотреть пассажира. Правду сказать, это был очень странный человек. Рост его не превышал двух футов. Но и при таком маленьком росте он легко мог потерять равновесие и кувырнуться за борт своей удивительной лодочки, если бы не обруч, помещенный на высоте его груди и прикрепленный к шару веревками. Толщина человека вовсе не соответствовала росту и придавала всей его фигуре совершенно нелепый шарообразный вид. Ног его, разумеется, не было видно. Руки отличались громадными размерами, седые волосы были собраны на затылке в виде косы. У него был непомерно длинный, крючковатый, багровый нос; большие блестящие, быстрые глаза; изборожденные морщинами и, тем не менее, полные, жирные, двойные щеки; но ни малейшего подобия ушей нельзя было усмотреть на его голове. Странный старичек носил просторный сатиновый сюртук небесно-голубого цвета и такого же цвета панталоны в обтяжку с серебряными пряжками на коленях. Сверх того на нем был жилет из какой-то ярко-желтой материи, мягкая белая шляпа, молодецки надвинутая на-бекрень, и кроваво-красный шелковый платок на шее, франтовски спускавшийся на грудь огромным фантастическим бантом.

Слетев, как уже сказано, на высоту около сотни футов над поверхностью земли, старичек внезапно засуе-

тился, повидимому, не желая приближаться еще более к terra firma. С большим усилием он выбросил из подогнанного мешка немного песку, и шар, на мгновение, остановился в воздухе. Затем, старичек торопливо вытащил из бокового кармана большую записную книжку в сафьяновом переплете и подозрительно взвесил в руке, глядя на нее с величайшим изумлением, очевидно, пораженный ее весом. Наконец, открыл книжку и, достав из нее большой пакет, запечатанный сургучем и тщательно обвязанный красною тесемкой, бросил его как раз к ногам бургомистра Супербуса фон Ундердука. Его превосходительство нагнулся поднять пакет. Но аэронавт, попрежнему в сильнейшем волнении и, очевидно, считая свои дела в Роттердаме поконченными, стал в эту самую минуту готовиться к отлету. Для этого потребовалось облегчить лодочку, и вот, полдюжины мешков, которые он выбросил, не потрудившись опорожнить, один за другим шлепнулись на спину бургомистра, столько же раз опрокинув этого сановника в глазах всего Роттердама. Не следует думать, однако, что великий Ундердук оставил безнаказанной эту наглую выходку старикашки. Напротив, рассказывают, будто он при каждом из полдюжины падений выпускал не менее полдюжины сильных и яростных клубов из своей трубки, за которую все время держался и намерен держаться (с божиею помощью) до последнего дня своей жизни.

Тем временем воздушный шар взвился, точно жаворонок, на громадную высоту и вскоре скрылся за облаком, совершенно похожим на то, из-за которого он так странно появился. Там он скрылся навеки от изумленных взоров добрых граждан Роттердама. Внимание всех устремилось теперь к письму, падение которого и последовавшие затем происшествия оказались столь оскорбительными для персоны и персонального достоинства его превосходительства фон Ундердука. Тем не менее, этот сановник во время своих коловратных движений не упустил из вида письма, которое, как оказалось при ближайшем рассмотрении, попало в надлежащие руки, будучи адресовано ему и профессору Рубадубу, как президенту и вице-президенту Роттердамского астрономического общества.

Итак, названные сановники распечатали письмо тут же на месте и нашли в нем следующее необычайное и весьма серьезное сообщение:

«Их превосходительствам фон Ундердуку и Рубадубу, президенту и вице-президенту Астрономической коллегии в городе Роттердаме.

«Быть может, ваши превосходительства соблаговолят припомнить скромного ремесленника, по имени Ганса Пфалля, а по профессии починяльщика кузнечных мехов, который вместе с тремя другими обывателями исчез из города Роттердама около пяти лет тому назад, при обстоятельствах, можно сказать, чрезвычайных. Как бы то ни было, с позволения ваших превосходительств, я, автор настоящего сообщения, и есть тот самый Ганс Пфалль. Большинству моих сограждан известно, что в течение сорока лет я занимал небольшую кирпичную постройку в конце аллеи, именуемой «Кислая Капуста», — где проживал и в день моего исчезновения. Предки мои с незапамятных времен обитали там же, подвизаясь на том же почетном и весьма прибыльном поприще починки кузнечных мехов. Ибо, говоря откровенно, до последних лет, когда у всего народа головы пошли кругом по милости политики, ни один честный роттердамский гражданин не мог бы пожелать или заслужить лучшей профессии. Я пользовался широким кредитом, в работе никогда не ощущалось недостатка, словом, и денег, и заказов было вдоволь. Но, как я уже сказал, мы живо почувствовали последствие свободы, длинных речей, радикализма и тому подобных штук. Люди, которые раньше были наилучшими заказчиками в мире, теперь забыли и думать о нас, грешных. Они принялись читать о революциях, следить за успехами человеческого ума и приспосабливаться к духу времени. Если требовалось растопить горн, его растапливали газетами; и я не сомневаюсь, что, по мере того, как правительство становилось слабее, железо и кожа соответственно выигрывали в прочности, так как в самое короткое время во всем Роттердаме не осталось и пары мехов, которым когда-либо потребовалась бы помощь иглы или молотка. Словом, положение вещей становилось невыносимым. Вскоре я обнищал, как

мышь, будучи к, тому же обременен семейством, так что в конце концов мне стало просто невтерпеж, и я целые часы проводил, обдумывая, каким бы способом лишиться себя жизни, но кредиторы не оставляли мне времени для размышлений. Мой дом был буквально в осаде с утра до вечера. Трое заимодавцев в особенности допекали меня, подстерегая по целым часам у дверей и угрожая судом. Я поклялся жестоко отомстить этим троим, если только когда-нибудь они попадутся мне в лапы, и думаю, что только предвкушение этой мести и помешало мне немедленно привести в исполнение план самоубийства и раздробить себе череп из мушкетона. Как бы то ни было, я счел за лучшее затаить свою злобу и умамливать их ласковыми словами и обещаниями, пока благоприятный оборот судьбы не доставит мне случая для мести.

Однажды, ускользнув от них и чувствуя себя в более чем когда-либо угнетенном настроении, я бесцельно бродил по самым глухим улицам, пока не завернул случайно в лавочку букиниста. Увидев стул, приготовленный для посетителей, я угрюмо опустился на него и машинально развернул первую попавшуюся книгу. Это оказался небольшой полемический трактат по теоретической астрономии, сочинение берлинского профессора Энке или какого-то француза с подобной же фамилией. Я немножко мараковал в этом предмете и вскоре совершенно углубился в чтение — и перечел книгу дважды, прежде чем сообразил, где я и что я. Тем временем стемнело, и я отправился домой. Но книжка (в связи с новым открытием по части пневматики, тайну которого сообщил мне недавно один мой родственник из Нанта), произвела неизгладимое впечатление на мой ум и, блуждая по темным улицам, я размышлял о диких и не всегда понятных рассуждениях автора. Некоторые места, в особенности, поразили мое воображение. Чем дольше я думал над ними, тем более они занимали меня. Мое вообще недостаточное образование и, в частности, незнакомство с естественными науками, отнюдь не внушая мне недоверия к моей способности понять прочтенное, или к тем смутным знаниям, которые явились результатом чтения, — только пуше разжигали мое воображение. Я

был настолько безрассуден или настолько рассудителен, что спрашивал себя: точно ли призрачны странные идеи, возникающие в причудливых умах, или они сплошь и рядом обладают силой, реальностью и другими свойствами инстинкта или вдохновения.

Я пришел домой поздно и тотчас лег спать. Но голова моя была слишком взбудоражена, и я целую ночь провел в размышлениях. Поднявшись рано утром, я поспешил в книжную лавочку и купил несколько трактатов по механике и практической астрономии, затратив на них всю имевшуюся у меня небольшую сумму. Затем, благополучно вернувшись домой с этим приобретением, я стал посвящать чтению каждую свободную минуту и вскоре приобрел познания, достаточные для того, чтобы привести в исполнение план, внушенный мне или дьяволом, или моим добрым гением. В то же время я всеми силами старался умаслить трех кредиторов, допекавших меня так жестоко. В конце концов я успел в этом, уплатив половину долга из денег, вырученных от продажи кое-каких домашних вещей, и обещав доплатить остальную половину, когда приведу в исполнение один проект, в осуществлении которого они (люди совершенно невежественные) обещались мне помочь.

Устроившись таким образом, я постарался сбыть, при помощи жены и с соблюдением строжайшей тайны, свое остальное имущество и набрал порядочную сумму денег, занимая по мелочам, где придется, под разными предложениями, и (со стыдом должен сознаться) без всяких видов на уплату в будущем. На эти деньги я помаленьку купил: очень тонкого кэмбрикового муслина кусками по двенадцати ярдов каждый, веревок, каучукового лака, широкую и глубокую плетеную корзину, сделанную по заказу, и разных других материалов, необходимых для сооружения и оснастки воздушного шара огромных размеров. Изготовление шара я поручил жене, дав ей надлежащие указания, с просьбой окончить работу как можно скорее; а сам тем временем сплел сетку, снабдив ее обручами и всеми необходимыми веревками, — и приобрел множество инструментов и материалов для опытов в верхних слоях атмосферы. Далее, я перевез однажды

ночью в глухой закоулок на восточной окраине Роттердама пять бочек, обитых железными обручами, вместимостью в пятьдесят галлонов каждая, и шестую побольше; полдюжины жестяных труб в десять футов длиной и три дюйма шириной; запас особенного металлического вещества или полуметалла, название которого не могу сообщить, и двенадцать бутылей самой обыкновенной кислоты. Газ, получаемый с помощью этих материалов, еще никем, кроме меня, не был добываем — или, по крайней мере, никогда не применялся для подобной цели. Здесь я могу только сообщить, что он представлял составную часть азота, так долго считавшегося неразложимым, и что плотность его в 37,4 меньше плотности водорода. Он не имеет вкуса, но обладает запахом; очищенный, горит зеленоватым пламенем и безусловно смертелен для всякого живого существа. Я мог бы описать его во всех подробностях, но, как уже намекнул выше, право на это открытие принадлежит одному нантскому гражданину, который поделился со мною своей тайной на известных условиях. Он же сообщил мне, ничего не зная о моих намерениях, способ изготовления воздушных шаров из шкурки одного животного, сквозь которую газ почти не проникает. Я, однако, нахожу этот способ слишком дорогим и думаю, в конце концов, что кэмбриковый муслин, покрытый слоем каучука, ничуть не хуже. Упоминаю об этом, так как считаю весьма возможным, что мой нантский родственник попытается устроить воздушный шар с помощью нового газа и материала, о котором говорено выше, — и отнюдь не желаю отнимать у него честь такого замечательного открытия.

На тех местах, где должны были поместиться бочки поменьше во время наполнения шара, я выкопал небольшие ямы, так что в общем они образовали круг в двадцать пять футов в диаметре. В центре этого круга была вырыта яма поглубже, над которой я намеревался поставить большую бочку. Затем я доложил в каждую из пяти маленьких ям по ящику с порохом, по пятидесяти фунтов в каждом, а в большую боченок со ста пятидесятью фунтами пушечного пороха. Соединив их — боченок и ящики —

подземными проводами и приспособив к одному из ящиков фитиль в четыре фута длиною, я прикрыл его бочкой, так что конец фитиля высовывался из под нее только на дюйм; засыпал остальные ямы и установил над ними бочки в надлежащем положении.

Кроме перечисленных, выше приспособлений, я припрятал в depot аппарат г. Гримма для сгущения атмосферного воздуха. Впрочем, эта машина потребовала значительных изменений, дабы удовлетворить моим целям. Но путем упорного труда и неутомимой настойчивости мне удалось преодолеть все затруднения. Вскоре мой шар был готов. Он вмещал более сорока тысяч кубических футов газа и легко мог поднять меня, мои запасы и сто семьдесят пять фунтов балласта. Он был покрыт тройным слоем лака, и я убедился, что кембриковый муслин ничуть не уступает шелку, так же прочен, но гораздо дешевле.

Когда все было готово, я взял со своей жены клятвенное обещание хранить в тайне все мои действия с того дня, когда я в первый раз посетил лавку букиниста; и, обещав вернуться, как только позволят обстоятельства, отдал ей оставшиеся у меня деньги и простился с нею. Мне нечего было беспокоиться на ее счет. Моя жена, что называется, — бой-баба и сумеет прожить на свете без моей помощи. Говоря откровенно, сдается мне, что она всегда считала меня лентяем, дармоедом, способным только строить воздушные замки, — и была очень рада отделаться от меня. Итак, простившись с ней в одну темную ночь, я захватил с собой, в качестве ад'ютантов, трех кредиторов, доставивших мне столько неприятностей, и мы потащили шар, лодочку и прочие принадлежности окольным путем к месту отправки, где уже были заготовлены все остальные материалы. Все оказалось в порядке, и я немедленно приступил к делу.

Было первое апреля. Как уже сказано, ночь была темная, на небе ни звездочки; моросил мелкий дождь, по милости которого мы чувствовали себя очень скверно. Но пуще всего меня беспокоил шару который, хотя и был покрыт лаком, однако, сильно отяжелел от сырости; да и порох мог подмокнуть. Итак, я попросил моих трех кредиторов приняться за работу, как можно ретивее: то-

лочь лед около большой бочки и размешивать кислоту в остальных. Однако, они смертельно надоедали мне вопросами, — к чему все эти приспособления, и страшно злились на тяжелую работу. Какой прок выйдет из того (говорили они), что им придется промокнуть до костей, принимая участие в таком ужасном колдовстве. Я начал чувствовать себя очень неловко и работал изо всех сил, так как серьезно думаю, что эти дураки вообразили, будто я заключил договор с дьяволом. Я опасался, что они совсем уйдут от меня. Как бы то ни было, я старался уговорить их, обещая расплатиться до последней копейки, лишь только мы окончим дело. Без сомнения, они по своему объяснили эти слова, вообразив, что я, во всяком случае, должен получить изрядную сумму чистоганом; а до моей души им, конечно, не было дела, лишь бы я уплатил долг, да прибавил малую толику за услуги.

Через четыре с половиной часа шар был наполнен в достаточной степени. Я привязал корзину и положил в нее мои запасы: зрительную трубку, барометр с некоторыми важными усовершенствованиями, термометр, электрометр, компас, магнитную стрелку, секундные часы, колокольчик, рупор и проч. и проч., также стеклянный шар, тщательно закупоренный пробкой, из которого был выкачан воздух, аппарат для сгущения воздуха, жженной извести, кусок воска, обильный запас воды и с'естных припасов, главным образом пеммикана, который содержит много питательных веществ при сравнительно небольшом объеме. Я захватил также корзинку с парой голубей и кошку.

Рассвет был близок, и я решил, что пора лететь. Уронив, как будто нечаянно, сигару, я изловчился, поднимая ее, зажечь кончик фитиля, высовывавшийся, как было описано выше, из-под нижнего края бочки. Этот маневр остался совершенно незамеченным моими кредиторами. Затем я вскочил в корзину, одним махом перерезал веревку, прикреплявшую шар к земле, и с удовольствием убедился, что поднимаюсь кверху с головокружительной быстротой, унося с собою сто семьдесят пять фунтов балласта (а мог бы унести и вдвое больше). В момент под-

нения барометр показывал тридцать дюймов, а термометр 19°.

Но едва я поднялся на высоту пятидесяти ярдов, как вдгонку мне взвился, с ужаснейшим ревом и свистом, такой страшный вихрь огня, песку, горящих обломков, расплавленного металла, истерзанных членов, что сердце мое замерло, и я повалился на дно корзины, дрожа от страха. Мне стало ясно, что я переусердствовал, и что главные последствия толчка еще впереди. И точно, не прошло секунды, как вся моя кровь прихлынула к вискам, и тотчас затем раздался взрыв, которого я никогда не забуду. Казалось, самый свод небесный рушится. Впоследствии, размышляя над этим приключением, я понял, что причиной такой непомерной силы взрыва было положение моего шара как раз над миной, на линии ее сильнейшего действия. Но в эту минуту я думал только о спасении жизни. Сначала шар с'ежился, потом закружился с ужасающей быстротой и, наконец, вертась и шатаясь, точно пьяный, выбросил меня из корзины, так что я повис на страшной высоте, вниз головой и наружу лицом, на тонкой бичевке фута в три длиною, случайно высунувшейся в отверстие близ дна корзины и каким-то чудом обмотавшейся вокруг моей левой ноги. Невозможно, решительно невозможно изобразить ужас моего положения. Я задыхался — дрожь, точно в лихорадке, пробирала каждый нерв, каждый мускул моего тела — я чувствовал, что глаза мои выкатываются из орбит — отвратительная тошнота подступала к горлу, — наконец, я лишился чувств.

Долго ли я оставался в таком положении, решительно не знаю. Должно быть, не мало времени, потому что, когда я отчасти пришел в сознание, утро уже наступило, шар неся на чудовищной высоте над безбрежным океаном, и ни признака земли не видно было в пределах обширного горизонта. Я, однако, вовсе не испытывал такой агонии, как можно было ожидать. В самом деле, было что-то безумное в спокойствии, с которым я принялся обсуждать свое положение. Я поочереди поднес к глазам руки и удивился, отчего это вены на них налились кровью и ногти так страшно почернели. Потом тща-

тельно исследовал голову, несколько раз тряхнул ею, ощупал очень подробно и, наконец, убедился к своему удовольствию, что она отнюдь не больше воздушного шара, как мне вообразилось было. Затем ощупал карманы брюк, и, не найдя в них записной книжки и футлярчика от зубочистки, долго старался объяснить себе, куда они девались, но, не успев в этом, почувствовал невыразимое огорчение. Тут поразило меня ощущение крайней неловкости в лодыжке левой ноги, и у меня явилось смутное сознание моего положения. Но странное дело, — я не удивился и не ужаснулся. Напротив, я чувствовал какое-то удовольствие при мысли о том, как ловко выпутаюсь из этой дилеммы; и ни секунды не сомневался в своем спасении. В течение нескольких минут я был погружен в размышления. Совершенно отчетливо помню, как я поджимал губы, приставлял кончик пальца к носу и проделывал другие жесты и гримасы, свойственные людям, которые, спокойно сидя в своем кресле, размышляют над запутанными и важными вопросами. Наконец, собравшись с мыслями, я очень спокойно и осторожно засунул руки за спину и отделил от ремня, стягивавшего мои панталоны, большую железную пряжку. На ней было три зубца, несколько заржавевшие и потому с трудом передвигавшиеся вокруг своей оси. Тем не менее мне удалось повернуть их под прямым углом к пряжке, и я с удовольствием убедился, что они держатся в этом положении очень прочно. Затем, взяв в зубы этот инструмент, я попытался развязать галстух. Не сразу удалось мне это, но в конце концов — удалось. К одному концу галстуха я прикрепил пряжку, а другой обвязал вокруг руки. Затем, со страшным усилием мускулов качнулся вперед и забросил пряжку в корзину, где, как я и ожидал, она застряла в петлях.

Теперь мое тело было наклонено к краю корзины под углом градусов: в сорок пять. Но это вовсе не значит, что оно только на сорок пять градусов уклонялось от вертикальной линии. Напротив, я лежал почти на уровне горизонта, так как, переменяв положение, этим самым заставил корзину принять косвенное направление. Итак, мое положение было попрежнему очень опасно. Но если бы,

вылетев из корзины, я повис лицом к шару, а не наружу, если бы веревка, на которой я висел, перекинулась через край корзины, а не высунулась в отверстие близ дна, мне не удалось бы даже то небольшое, что удалось теперь, и мои открытия остались бы утраченными для потомства. Итак, я имел полное основание быть благодарным судьбе. Впрочем, в эту минуту я все еще был слишком ошеломлен, чтобы чувствовать что-нибудь определенное, и добрые четверть часа провисел совершенно спокойно, в бессмысленно-радостном настроении. Вскоре, однако, это настроение исчезло, сменившись ужасом и отчаянием, сознанием беспомощности и гибели. Дело в том, что кровь, застоявшаяся так долго в венах головы и глотки и доведшая мой мозг почти до бреда, мало-по-малу отхлынула, и прояснившееся сознание, раскрыв передо мною весь ужас положения, только лишило меня самообладания и мужества. К счастью, этот припадок слабости не был продолжителен. На помощь мне явилось отчаяние: с бешеными криками, судорожно извиваясь и раскачиваясь, я стал метаться, как безумный, пока, наконец, уцепившись точно клещами за край корзины, перекинулся через него и, весь дрожа, покатился на дно.

Не сразу я опомнился настолько, что мог приняться за осмотр. К моей великой радости шар оказался неповрежденным. Все мои запасы уцелели; я не потерял ни провизии, ни балласта. Впрочем, я уложил их так тщательно, что этого не могло случиться. Я посмотрел на часы: было шесть. Я все еще быстро поднимался; барометр показывал высоту в три и три четверти мили. Как раз подо мною, на океане, виднелся маленький черный предмет, — продолговатый, величиной с косточку домино, да и всем видом напоминавший ее. Направив на него зрительную трубку, я убедился, что это девяносто-четырепушечный английский корабль, тяжело нагруженный и медленно двигавшийся по направлению WSW. Кроме него, я видел только море, небо и солнце, давно уже поднимающееся над горизонтом.

Пора мне объяснить вашим превосходительствам цель моего путешествия. Ваши превосходительства соблаговолят припомнить, что расстроенные обстоятельства, в конце

концов, заставили меня думать о самоубийстве. Это не значит, однако, что жизнь мне сама по себе опротивела, — нет, мне только стало невтерпеж мое бедственное положение. В этом настроении, желая жить и в то же время утомленный жизнью, я случайно прочел книжку, которая, в связи с открытием моего нантского родственника, доставила обильную пищу моему воображению. Я нашел, наконец, выход. Я решил исчезнуть с лица, земли, оставшись тем не менее в живых, — покинуть этот мир, продолжая существовать, — одним словом, я решил, во что бы то ни стало, пробраться на луну. Теперь, чтобы не показаться сумасшедшим, постараюсь изложить, как умею, соображения, в силу которых я считал это предприятие — бесспорно трудное и опасное — не вовсе неисполнимым для человека отважного.

Прежде всего, конечно, является вопрос о расстоянии луны от земли. Известно, что среднее расстояние между центрами обеих планет равно 599 643 экваториальным радиусам земного шара, что составляет всего 237 000 миль. Я говорю о среднем расстоянии; но так как орбита луны представляет эллипсис, эксцентриситет которого достигает в длину не менее 0,05484 большей полуоси самого эллипсиса, а земля расположена в фокусе последнего — то, если бы мне удалось встретить луну в перигелии, вышеуказанное расстояние сократилось бы весьма значительно. Но, даже оставив в стороне эту возможность, я могу вычесть из этого расстояния радиус земли, то-есть 4000, и радиус луны, то-есть 1080, а всего 5080 миль, так что средняя длина пути при обыкновенных условиях составит 231 920 миль. Расстояние вовсе не чрезвычайное. Путешествия на земле сплошь и рядом совершаются со средней скоростью 60 миль в час, и, без сомнения, есть полная возможность увеличить эту скорость. Но, даже оставаясь при ней, потребуется не более 161 дня, чтобы достигнуть луны. Были, однако, различные соображения, заставлявшие меня думать, что средняя скорость моего путешествия далеко превзойдет шестьдесят миль в час, и так как эти соображения произвели глубокое впечатление на мой ум, то я изложу их подробнее.

Прежде всего остановлюсь на следующем весьма важном пункте. Показания барометра при воздушных путешествиях говорят нам, что на высоте 1000 футов над поверхностью земли мы оставляем под собой около одной тридцатой части всей массы атмосферного воздуха, на высоте 10 600 футов — около трети, а на высоте 18 000 футов, то-есть почти на высоте Котопакси, под нами остается половина, по крайней мере половина весомой массы воздуха, облегающего нашу планету. Вычислено также, что на высоте, не превосходящей одну сотую земного диаметра, то-есть не более восьми миль, атмосфера разрежена до такой степени, что деликатнейшие приборы не могут обнаружить ее присутствия, и животная жизнь становится невозможной. Но я не упустил из вида, что все эти расчеты основаны на опытном изучении свойств воздуха и законов его расширения и сжатия в непосредственном соседстве с землей, причем считается доказанным, что животный организм не может измениться на каком бы то ни было расстоянии от земной поверхности. Между тем заключения, основанные на таких данных, без сомнения, проблематичны. Наибольшая высота, на которую когда-либо поднимался человек, достигнута в воздушном путешествии гг. Гэй-Люссака и Био, поднявшихся на 25 000 футов. Высота очень умеренная, даже в сравнении с восемью милями. Стало быть, рассуждал я, тут остается еще много места для сомнений и полный простор для догадок.

Далее, количество весомой атмосферы, которую шар оставляет за собою при под'еме, отнюдь не находится в прямом отношении к высоте, а (как видно из вышеприведенных данных) в постоянно убывающем ratio. Отсюда ясно, что на какую бы высоту мы ни поднялись, мы никогда не достигнем такого предела, выше которого вовсе не существует атмосферы. Она должна существовать рассуждал я, — хотя, быть может, в состоянии бесконечного разрежения.

С другой стороны, мне было известно, что есть много оснований допускать существование действительного и определенного предела атмосферы, выше которого безусловно нет воздуха. Но одно обстоятельство, упущенное

из вида защитниками этого предела, заставляло меня сомневаться в справедливости их мнения и во всяком случае считать необходимой серьезную проверку этого пункта. Если сравнить длину последовательных периодов появления кометы Энке в ее перигелии, принимая в расчет возмущающее действие планет, то окажется, что эти периоды постепенно уменьшаются, то-есть главная ось орбиты становится все короче и короче. Так и должно быть, если допустить существование чрезвычайно разреженной эфирной среды, сквозь которую пролегла орбита кометы. Ибо сопротивление подобной среды, замедляя движение кометы, очевидно, должно было увеличить ее центростремительную силу, уменьшив центробежную. Иными словами, действие солнечного притяжения постоянно усиливается, и комета с каждым периодом приближается к солнцу. Иного объяснения этому изменению орбиты нельзя придумать. Кроме того, замечено, что поперечник кометы быстро уменьшается с приближением к солнцу и столь же быстро принимает прежнюю величину при возвращении кометы в афелий. Это кажущееся уменьшение объема кометы можно объяснить, вместе с г. Вальцем, сгущением вышеупомянутой эфирной среды, плотность которой увеличивается по мере приближения к солнцу. Явление, известное под именем зодиакального света, также заслуживает внимания. Оно часто наблюдается под тропиками и не имеет ничего общего с метеорическим светом. Это — светлые полосы, простирающиеся от горизонта наискось вверх, по направлению солнечного экватора. На мой взгляд, они несомненно имеют связь с разреженной атмосферой, простирающейся от солнца до орбиты Венеры по меньшей мере, а по моему гораздо дальше¹⁾. В самом деле, я не могу допустить, чтобы эта среда ограничилась орбитой кометы или пространством, непосредственно прилегающим к солнцу. Напротив, гораздо легче предположить, что она наполняет всю сферу нашей планетной системы, сгущаясь

¹⁾ Этот зодиакальный свет, по всей вероятности, то самое, что древние называли *trabes*. *Emicunt trabes quos docos vocant.* — Плинии, кн. 2, стр. 26.

у планет и образуя то, что мы называем атмосферными оболочками, которые изменились также под влиянием геологических факторов, то-есть смешались с испарениями, выделявшимися из той или другой планеты.

Остановившись на этой точке зрения, я не стал колебаться. Предполагая, что везде, на своем пути, я найду атмосферу, в существенных свойствах сходную с земной, я надеялся, что сумею сгустить ее в достаточном для моих потребностей количестве, с помощью остроумного аппарата г. Гримма. Таким образом, главное препятствие устранялось. Я затратил не мало труда и изрядную сумму денег на покупку и усовершенствование аппарата, и не сомневался, что он успешно выполнит свое назначение, лишь бы путешествие не затянулось. Это соображение заставляет меня вернуться к вопросу о возможной быстроте моего путешествия.

Известно, что воздушные шары в первые моменты восхождения поднимаются сравнительно медленно. Быстрота под'ема всецело зависит от разницы в тяжести атмосферного воздуха и газа, наполняющего шар. Принимая в расчет это обстоятельство, кажется совершенно невероятным, чтобы скорость восхождения могла увеличиться в верхних слоях атмосферы, плотность которых быстро уменьшается. С другой стороны, я не знаю ни одного отчета о воздушном путешествии, в котором бы сообщалось об уменьшении скорости по мере под'ема; а, между тем, она несомненно должна бы была уменьшаться уже вследствие прохождения газа сквозь оболочку шара плохого устройства, покрытую обыкновенным лаком, — не говоря о других причинах. Одна эта потеря газа должна бы уравновесить ускорение, являющееся следствием удаления шара от центра земли. Имея в виду все эти обстоятельства, я полагал, что, если только найду на моем пути среду, о которой говорено выше, и если эта среда в существенных свойствах представляет то самое, что мы называем атмосферным воздухом, то степень ее разрежения не будет иметь особенного значения — то есть, не отразится на быстроте моего восхождения — так как, по мере разрежения среды, будет соответственно разрежаться газ внутри шара (для

предотвращения разрыва оболочки я могу выпускать его, по мере надобности, посредством клапана). В то же время, оставаясь тем, что он есть, газ всегда останется относительно легче, чем какая бы то ни было смесь азота с кислородом. Таким образом я имел основание надеяться — даже, собственно говоря, быть почти уверенным, — что ни в какой момент моего восхождения мне не придется достигнуть пункта, в котором вес моего огромного шара, заключенного в нем газа, корзины и ее содержимого превзойдет вес вытесненной ими атмосферы. А только это последнее обстоятельство могло бы остановить мое восхождение. Но если даже я достигну такого пункта, то могу сбросить около 300 фунтов балласта и других материалов. Тем временем сила тяготения будет постоянно уменьшаться пропорционально квадратам расстояния, а скорость поднятия увеличиваться в чудовищной прогрессии, так что, в конце концов, я попаду в сферу, где земное притяжение уступит место притяжению луны.

Еще одно обстоятельство несколько смущало меня. Замечено, что при под'еме воздушного шара на значительную высоту воздухоплаватель испытывает, независимо от затрудненного дыхания, ряд болезненных ощущений, сопровождающихся кровотечением из носа и другими тревожными признаками, которые усиливаются по мере под'ема¹⁾. Это обстоятельство наводило на размышления вовсе не приятного свойства. Что, если эти болезненные явления будут усиливаться до тех пор, пока не кончатся смертью? Однако, я решил, что этого вряд ли можно опасаться. Причина этих явлений заключается в постепенном уменьшении обычного атмосферного давления на поверхность тела и в соответственном расширении поверхностных кровяных сосудов, — а не в положительном расстройстве органической системы, как

¹⁾ После опубликования отчета Ганса Пфалля, я узнал, что известный аэронавт мистер Грин и другие позднейшие воздухоплаватели опровергают мнение Гумбольдта об этом предмете и говорят об уменьшении болезненных явлений, — вполне согласно с изложенной здесь теорией.

при затруднительном дыхании, происходящем вследствие того, что разреженный воздух химически недостаточен для обновления крови в желудочке сердца. Оставив в стороне это недостаточное обновление крови, я не вижу, почему бы жизнь не могла продолжаться даже в вакуум, так как расширение и сжатие груди, называемое в обычном языке дыханием, есть чисто мускульное действие и вовсе не причина, а следствие дыхания. Словом, я рассудил, что, когда тело привыкнет к уменьшенному атмосферному давлению, болезненные ощущения постепенно уменьшатся, а пока что перетерплю их как-нибудь, благодаря моему железному сложению.

С позволения ваших превосходительств я подробно изложил некоторые — хотя далеко не все — соображения, легшие в основу моего проекта путешествия на луну. Теперь возвращусь к описанию результатов моей попытки, — с виду столь безрассудной и, во всяком случае, единственной в летописях человечества.

Достигнув высоты в три и три четверти мили, я выбросил из корзины несколько перьев и убедился, что шар мой продолжает подниматься с достаточной быстротой, и, следовательно, нет надобности выбрасывать балласт. Я был очень доволен этим обстоятельством, так как хотел сохранить как можно больше тяжестей, не зная наверняка степени притяжения луны и плотности лунной атмосферы. Пока я не испытывал никаких болезненных ощущений, дышал вполне свободно и не чувствовал ни малейшей головной боли. Кошка расположилась на моем пальто и поглядывала на голубей с беспечным видом. Голуби, которых я привязал за ноги, чтобы не улетели, спокойно клевали зерна риса, насыпанные на дно корзины. В двадцать минут седьмого барометр указывал на высоту в 26400 футов, то-есть пять с лишним миль. Вид, открывавшийся подо мною, казался безграничным. В самом деле, не трудно вычислить, с помощью сферической тригонометрии, какую обширную часть земной поверхности я мог охватить взглядом. Выпуклая поверхность сегмента шара относится ко всей его поверхности, как обращенный синус сегмента к диаметру шара. В данном случае обращенный синус — то есть, иными сло-

вами, толщина сегмента, находившегося подо мною — почти равнялся моему расстоянию от земли или высоте моего пункта наблюдения. Следовательно, часть земной поверхности, которую я мог обозреть, выражается «отношением пяти миль к восьми тысячам». Иными словами, я видел одну тысяча-шестисотую часть всей земной поверхности. Море казалось гладким, как зеркало, хотя в зрительную трубку я мог убедиться, что волнение очень сильно. Корабль давно исчез в восточном направлении. Теперь я испытывал по временам жестокую головную боль, в особенности около ушей, хотя дышал довольно свободно. Кошка и голуби, повидимому, чувствовали себя как нельзя лучше.

Было без двадцати минут семь, когда мой шар попал в слой густых облаков, которые причинили мне не мало досады, попортив сгущающий аппарат и промолив меня до костей. Это была, без сомнения, весьма замечательная встреча; я никак не ожидал, что могут быть подобные облака на такой огромной высоте. Как бы то ни было, я счел за лучшее выбросить два пятифунтовых мешка с балластом, оставив про запас сто шестьдесят пять фунтов. После этого я скоро вылетел из облаков и убедился, что быстрота под'ема увеличилась. Спустя несколько секунд после того, как я оставил под собой облако, молния прорезала его с одного конца до другого, и все оно вспыхнуло, точно груды раскаленного угля. Напомню, что это происходило днем. Воображение не в силах представить себе великолепие подобного явления; случись оно ночью, оно было бы точной картиной ада. Даже теперь волосы поднялись дыбом на моей голове, когда я смотрел в эти сияющие бездны, и мое воображение блуждало среди этих огненных ходов, причудливых сводов, развалин, пропастей, озаренных багровым, нездешним светом. Я счастливо избежал опасности. Если бы шар промедлил еще немного внутри облака — иными словами, если бы сырость не заставила меня выбросить два мешка с балластом — последствием могла бы быть, и была бы, по всей вероятности, гибель моя. Такие случайности, быть может, опаснее всего для воздушного шара, хотя их обыкновенно не принимают в расчет. Впрочем, я под-

нялся уже на такую высоту, что мог считать себя безопасным от дальнейших приключений в том же роде.

Я быстро поднимался, и к семи часам барометр показывал высоту не менее девяти с половиной миль. Мне было трудно дышать, голова страшно болела, уже несколько времени я чувствовал какую-то влажность на моих щеках, и вскоре убедился, что из ушей у меня течет кровь. Глаза тоже болели; когда я ощупал их руками, мне показалось, что они сильно выкатились из орбит; все предметы в корзине и самый шар приняли уродливые очертания. Болезненные симптомы оказались сильнее, чем я ожидал, и не на шутку встревожили меня. Расстроенный, сам не сознавая, что делаю, я совершил крайне неблагоприятный поступок: выбросил из корзины три пятифунтовых мешка с балластом. Шар быстро поднялся и перенес меня сразу в такой разреженный слой атмосферы, что результат едва не оказался роковым для меня и моего предприятия. Я внезапно почувствовал припадок удушья, продолжавшийся не менее пяти минут; даже когда он кончился, я не мог передохнуть, как следует. Кровь струилась у меня из носа, из ушей, даже из глаз. Голуби отчаянно рвались, стараясь вылететь из корзины; кошка жалобно мяукала и, высунув язык, металась, точно выпила отравы. Я слишком поздно заметил свою ошибку, и пришел в отчаяние. Я ожидал неминуемой и близкой смерти. Физические страдания почти лишили меня способности предпринять что-либо для спасения жизни. Мозг почти отказывался работать, головная боль усиливалась с каждой минутой. Чувствуя близость обморока, я хотел было дернуть веревку, соединенную с клапаном, чтобы спуститься на землю, — как вдруг вспомнил о штуке, сыгранной с кредиторами и о вероятных последствиях, ожидающих меня в случае возвращения. Это воспоминание остановило меня. Я лежал на дне корзины, стараясь собраться с мыслями. Это удалось мне настолько, что я решил пустить себе кровь. За неимением ланцета, я произвел эту операцию, как умел, открыв вену на левой руке с помощью перочинного ножа. Как только показалась кровь, я почувствовал большое облегчение, а когда выпустил с пол-чашки, худшие

из болезненных симптомов совершенно исчезли. Я все-таки не решился встать, и, обвязав руку, пролежал с четверть часа на дне. Наконец, я поднялся, не испытывая никаких болезненных ощущений, преследовавших меня в течение последнего часа. Только дыхание попрежнему было затруднено, и я видел, что вскоре придется прибегнуть к конденсатору. Случайно взглянув на кошку, которая снова улеглась на пальто, я убедился, к своему крайнему изумлению, что во время моего припадка, она разрешилась тремя котятами. Этого прибавления пассажиров я отнюдь не ожидал; но был им очень доволен. Оно давало мне возможность проверить гипотезу, которая более чем что-либо другое повлияла на мое решение. Я объяснял болезненные явления, испытываемые воздухоплателем на известной высоте, привычкой к определенному давлению атмосферы близ земной поверхности. Если котята будут страдать в такой же степени, как мать, то моя теория, очевидно, ошибочна, если же нет — она вполне подтвердится.

К восьми часам я достиг высоты в семнадцать миль над поверхностью земли. Очевидно, быстрота под'ема возросла, и, если бы даже я не выбросил балласта, ускорение было бы заметно, хотя, конечно, в слабейшей степени. Жестокая боль в голове и ушах по временам возвращалась ко мне; иногда струилась из носа кровь; но вообще страдания были гораздо слабее, чем я ожидал. Только дышать становилось все труднее и труднее, и каждый вздох сопровождался спазмами в груди. Я распаковал сгущающий аппарат и принялся налаживать его.

Вид на землю открывался великолепный. К западу, к северу, к югу, насколько мог охватить глаз, расстилалась бесконечная простыня океана, приобретающая с каждой минутой все более и более яркий голубой оттенок. Вдали, на востоке, рисовались берега Великобританских островов, весь атлантический берег Франции и Испании и часть северной окраины Африканского материка. Подробностей, разумеется, не было видно, и самые пышные города точно стерлись с лица земли.

Больше всего удивила меня кажущаяся вогнутость земной поверхности. Я, напротив, ожидал, что увижу ее

выпуклой; но, подумав немного, сообразил, что этого не могло быть. Перпендикуляр, опущенный из пункта моего наблюдения к земной поверхности, представлял один из катетов прямоугольного треугольника, основание которого простиралось к горизонту, а гипотенуза от горизонта к моему шару. Но высота, на которой я находился, была ничтожна сравнительно с пространством, которое я мог обозреть. Иными словами, основание и гипотенуза упомянутого треугольника были так велики сравнительно с высотой, что могли считаться почти параллельными линиями. Вследствие этого горизонт аэронавта является всегда на одном уровне с корзиной. Но точка, находящаяся под ним, кажется и, действительно, находится на огромном расстоянии внизу, — следовательно, ниже горизонта. Отсюда впечатление вогнутости, впечатление, которое останется до тех пор, пока высота не достигнет такого отношения к диаметру видимого пространства, при котором кажущийся параллелизм основания и гипотенузы исчезнет.

Так как голуби обнаруживали все время признаки жестокого страдания, то я решился выпустить их. Сначала я отвязал одного — прекрасного серого крапчатого голубя — и посадил его на обруч сетки. Он сильно беспокоился, жалобно поглядывал кругом, хлопал крыльями, ворковал, но не решался вылететь из корзины. Наконец, я взял его и отбросил ярдов на шесть от шара. Он, однако, не полетел вниз, как я ожидал, но изо всех сил пустился обратно к шару, издавая резкие, пронзительные крики. Наконец, ему удалось вернуться на старое место, но, едва усевшись на обруч, он опустил голову на грудь и упал мертвый в корзину. Другой был счастливее. Чтобы предупредить его возвращение, я изо всех сил швырнул его вниз, и с удовольствием увидел, что он продолжает спускаться, быстро, легко и свободно махая крыльями. Вскоре он исчез из вида и — я не сомневаюсь — благополучно добрался до земли. Кошка, повидимому, оправившаяся от своего припадка, с аппетитом с'ела мертвого голубя и улеглась спать. Котята были живы и не обнаруживали пока ни малейших признаков заболевания.

В четверть девятого, испытывая почти невыносимые

страдания вследствие затрудненного дыхания, я стал прилаживать к корзине аппарат, находившийся в связи с конденсатором. Он, однако, требует более подробного описания. Ваши превосходительства благоволят заметить, что цель моя была защитить себя и корзину барьером от разреженной атмосферы, в которой я теперь находился, с тем, чтобы ввести внутрь этого барьера достаточное для дыхания количество воздуха с помощью конденсатора. С этою целью я заготовил плотный, совершенно непроницаемый, но достаточно гибкий каучуковый мешок. В этот мешок поместилась вся моя корзина, то есть он охватывал ее дно и края до верхнего обруча, к которому была прикреплена сетка. Оставалось только стянуть края наверху, просунув их над обручем, то-есть между обручем и сеткой. Но, если отделить сетку от обруча, чтобы пропустить мешок, — на чем будет держаться корзинка? Я разрешил это затруднение следующим образом: сетка не была привязана к обручу, а прикреплена посредством петель. Теперь я снял несколько петель, предоставив корзине держаться на остальных, просунул край мешка над обручем и снова пристегнул петли, не к обручу, разумеется, потому что он находился под мешком, а к пуговицам на мешке, помещенным футов на три ниже края. Затем отстегнул еще несколько петель, просунул еще часть мешка, и снова пристегнул петли к пуговицам. Таким образом я, мало-по-малу, пропустил весь верхний край мешка между обручем и сетью. Понятно, что обруч опустился в корзину, которая со всем своим содержимым держалась теперь только на пуговицах. На первый взгляд это грозило опасностью, — но, только на первый взгляд: пуговицы были не только очень прочны сами по себе, но и насажены таким тесным рядом, что на каждую приходилась лишь незначительная часть всей тяжести. Если бы корзина со всем своим содержимым была втрое тяжелее, я бы ничуть не беспокоился. Я снова приподнял обруч и прикрепил его почти на прежней высоте с помощью трех заранее приготовленных перекладин. Это я сделал для того, чтобы мешок оставался растянутым наверху, и нижняя часть стенки не изменила своего положения. Теперь оставалось только

затянуть мешок, что я исполнил без труда, собрав складки верхнего края и стянув их туго-на-туго при помощи неподвижного tourniquet. В боковых стенках мешка были сделаны три круглые окошка с толстыми стеклами, сквозь которые я мог осматриваться в горизонтальном направлении. Такое же окошко находилось внизу и соответствовало небольшому отверстию в дне корзины. Сквозь него я мог смотреть вниз, но вверху нельзя было проделать окно, так как верхний край мешка, стянутый внутрь, лежал складками. Впрочем, в верхнем окошке и надобности не было, так как все равно я не мог увидеть над собой ничего, кроме шара.

Под одним из боковых окошек, приблизительно на расстоянии фута, было проделано отверстие дюйма в три диаметром; а в отверстие вделано медное кольцо с винтовыми нарезками на внутренней поверхности. В это кольцо ввинчивалась трубка конденсатора, помещавшегося, само собою разумеется, внутри каучуковой камеры. Посредством трубы разреженная атмосфера втягивалась конденсатором с помощью vacuum'a, находившегося в машине, сгущалась и проходила в камеру. Повторив эту операцию несколько раз, можно было наполнить камеру воздухом, вполне пригодным для дыхания. Но в таком тесном пространстве воздух, разумеется, должен был скоро портиться вследствие частого соприкосновения с легкими, и становиться негодным для дыхания. Тогда он выпускался наружу посредством небольшого клапана на дне мешка: тяжелый внутренний воздух быстро опускался вниз, рассеиваясь в легкой наружной атмосфере. В виду возможности создать полный vacuum в камере при выпуске воздуха, очистка последнего никогда не производилась разом. Клапан открывался секунды на две — на три, а потом замыкался, пока конденсатор не замещал вытесненной атмосферы новым запасом воздуха. Ради опыта я положил кошку и котят в корзиночку, которую подвесил снаружи к пуговице, находящейся подле клапана. Открывая клапан, я мог кормить кошек по мере надобности. Я устроил это прежде, чем затянул камеру, с помощью одного из упомянутых выше шестов, поддерживавших обруч. Как только

камера наполнилась, шесты и обруч оказались излишними, так как расширение внутренней атмосферы и без них растягивало каучуковый мешок.

Когда я приладил все эти приборы и наполнил камеру, было уже без десяти минут девять. Все это время я выносил жестокие страдания вследствие недостатка воздуха и только упрекал себя за небрежность или, скорее, безрассудную смелость, побудившую меня отложить до последней минуты такое важное дело. Но когда, наконец, все было готово, я тотчас почувствовал благотворные последствия своего изобретения. Я снова дышал легко и свободно, — да и почему мне было не дышать? К, моему удовольствию и удивлению жестокие страдания, терзавшие меня до сих пор, почти совершенно исчезли. Осталось только ощущение какой-то полноты или растяжения в руках, лодыжках и глотке. Очевидно, страдания, вследствие недостаточного давления атмосферы, давно прекратились, а болезненные ощущения в течение последних двух часов происходили единственно вследствие затрудненного дыхания.

В сорок минут девятого, — то есть незадолго до того, как я затянул отверстие мешка — ртуть опустилась до нижнего уровня в барометре. Я находился на высоте 132 000 футов, то есть двадцати пяти миль и, следовательно, мог обозревать не менее одной триста двадцатой всей земной поверхности. В девять часов я снова потерял из вида землю на востоке, заметив при этом, что шар быстро направлялся в направлении NNW. Океан, расстилавшийся подо мною, все еще казался вогнутым; впрочем, облака часто скрывали его от меня.

В половине девятого я выбросил из корзины пригоршню перьев. Они не полетели, как я ожидал, но упали как пуля, ворохом, с невероятною быстротою, и в несколько секунд исчезли из вида. Сначала я не мог объяснить себе это странное явление; мне казалось невероятным, чтобы быстрота подема возросла так чудовищно. Но вскоре я сообразил, что разреженная атмосфера не могла поддерживать перьев, что они действительно упали с огромной быстротой, и поразившее меня явление было следствием соединенной быстроты падения перьев и подема шара.

Часам к десяти у меня не было никакого особенного предмета для наблюдений. Все шло исправно; быстрота под'ема, как мне казалось, постоянно возростала, хотя я не мог определить степень этого возрастания. Я не испытывал никаких болезненных ощущений, а настроение духа было лучше, чем в какой-либо момент со времени моего от'езда из Роттердама. Я коротал время, осматривая инструменты и возобновляя воздух в камере. Я решил повторять это через каждые сорок минут, скорее для предотвращения всякой возможности заболевания, чем в видах действительной необходимости. В то же время, я невольно уносился мыслями вперед. Воображение, ничем не связанное, блуждало в диких, сказочных областях луны. То мерещились мне дремучие вековые леса, крутые утесы, шумные водопады, исчезавшие в бездонных пропастях. То переносился я в пустыню, залитую лучами полуденного солнца, куда ветерок не залетал от-века, где воздух точно окаменел, и всюду, куда хватит глаз, расстилались луга, поросшие маком и стройными лилиями, безмолвными и неподвижными в вечном оцепенении. То вдруг являлось передо мною озеро, темное, неясное, сливавшееся вдаль с грядями облаков. Но не одни эти картины рисовались моему воображению. Ужасы, один другого страшнее и причудливее, мерещились мне, и одна мысль о возможности их потрясала меня до глубины души. Но я старался не думать о них, справедливо находя, что действительные и осязаемые опасности моего предприятия должны поглотить все мое внимание.

В 5 часов пополудни, возобновляя атмосферу в камере, я заглянул в корзину с кошками. Мать, повидимому, жестоко страдала, без сомнения, вследствие затрудненного дыхания; но котята изумили меня. Я думал, что они тоже будут страдать, хотя в меньшей степени, чем кошка, что и подтвердило бы мою теорию насчет привычки к известному давлению. Оказалось, однако, — чего я вовсе не ожидал, — что они пользуются наилучшим здоровьем, дышат легко и свободно и не обнаруживают ни малейших признаков какого-либо расстройства. Я могу об'яснить это явление, только расширив мою теорию и предположив, что крайне разреженная атмосфера не

представляет (как я думал) химической невозможности для жизни, что существо, родившееся в такой среде, будет дышать в ней без всякого труда, а, попавши в более плотные слои по соседству с землей, испытает те же мучения, которым я подвергался так недавно. Очень сожалею, что вследствие несчастной случайности я потерял эту семейку, и не мог продолжать опыт. Просунув руку с чашкой воды для старой кошки в отверстие мешка, я как-то зацепил рукавом за шнурок, на котором висела корзинка и сдернул его с пуговицы. Если бы корзинка с кошками каким-нибудь чудом испарилась в воздухе, — она не могла бы исчезнуть из моих глаз скорее, чем теперь. Положительно, десятой доли секунды не прошло, как она уже скрылась со всеми своими пассажирами. Я пожелал им счастливого пути, но, разумеется, не питал никакой надежды, что кошка или котята останутся в живых, дабы рассказать о своем приключении.

В шесть часов значительная полоса земли на востоке покрылась густою тенью, которая быстро надвигалась, так что в семь без пяти минут вся видимая поверхность земли погрузилась в ночную тьму. Но долго еще лучи заходящего солнца освещали мой шар; и это обстоятельство, которое, конечно, можно было предвидеть заранее, доставляло мне большое удовольствие. Очевидно было, что и утром я увижу восходящее светило гораздо раньше, чем добрые граждане Роттердама, несмотря на их более восточное положение, и, таким образом, буду пользоваться все более и более продолжительным днем соответственно высоте под'ема. Я решил вести дневник моего путешествия, отмечая дни через каждые двадцать четыре часа и не принимая в расчет промежутков темноты.

В десять часов меня стало клонить ко сну, и я хотел было улечься, — но тут явилось затруднение, которое я совершенно упустил из вида, хотя должен был предвидеть заранее. Если я засну, кто будет возобновлять атмосферу в камере? Дышать в ней можно было самое большое в течение часа; пропусти я хоть четверть часа свыше этого срока последствия могли быть самые губельные. Затруднение это очень смутило меня, и едва ли поверят, что, преодолев столько опасностей, я готов был отчаяться

перед новым затруднением, потерял всякую надежду на исполнение моего проекта и подумывал о спуске. Впрочем, то было лишь минутное колебание. Я рассудил, что человек верный раб привычки, и многие мелочи повседневной жизни только кажутся ему существенно важными, а на самом деле сделались такими единственно вследствие привычки. Конечно, я не мог обойтись без сна, но что мешало привыкнуть просыпаться правильно через час в течение всей ночи? Для полного обновления атмосферы достаточно пяти минут. Единственное, что меня затрудняло, — это способ будить себя в надлежащее время. Правду сказать, я долго ломал себе голову над разрешением этого вопроса. Я слышал, что студенты прибегают к такому способу: взяв в руку медную пулю, держат ее над медным тазиком; звон упавшей пули будит студента, если ему случится задремать над книгой. Но для меня подобный способ вовсе не годился, так как я не собирался бодрствовать все время, а хотел только просыпаться через известные промежутки времени. Наконец, я придумал приспособление, которое при всей своей простоте показалось мне в первую минуту открытием не менее блестящим, чем изобретение телескопа, паровой машины или даже искусства книгопечатания.

Необходимо заметить, что на той высоте, которой я достиг в настоящее время, шар продолжал свое движение вверх без толчков и уклонений, совершенно равномерно, так что корзина не испытывала ни малейшего сотрясения. Это обстоятельство было как нельзя более кстати для моего приспособления. Мой запас воды помещался в боченках, по пяти галлонов каждый, уставленных вдоль стенки корзины. Я отвязал один боченок и, достав две веревки, натянул их поперек корзины, вверху, на расстоянии фута одну от другой, так что они образовали нечто вроде полки. На эту полку я поместил боченок, положив его плашмя. Под боченком, на расстоянии восьми дюймов от веревок и в четырех футах от дна корзины, прикрепил другую полку из тонкой дощечки. На дощечке поставил небольшой глиняный кувшинчик. Затем провертел дыру в стенке боченка над кувшином и заткнул ее втулкой из мягкого дерева. Вдвигая и выдвигая втулку,

я, наконец, установил ее так, чтобы вода, просачиваясь сквозь отверстие, наполняла кувшинчик до краев в течение шестидесяти минут. Рассчитать это было не трудно, заметив какая часть кувшина наполняется в данный промежуток времени. Остальное ясно само собою. Я устроил себе постель на дне корзины так, чтобы голова приходилась под носком кувшина. Ясно, что по истечении часа вода, наполнив кувшин, должна была выливаться из носка, который приходился несколько ниже краев. Ясно также, что, орошая лицо мое с высоты четырех футов, вода должна была разбудить меня, хотя бы я заснул мертвым сном.

Было уже одиннадцать часов, когда я покончил с устройством будильника. Затем я немедленно улегся спать, положившись на мое изобретение. Мне не пришлось разочароваться. Правильно, через каждые шестьдесят минут, я вставал разбуженный моим верным хронометром, выливал из кувшина воду обратно в боченок и, возобновив атмосферу с помощью конденсатора, снова ложился спать. Эти регулярные пробуждения беспокоили меня даже меньше, чем я ожидал. Когда я встал утром, было уже семь часов, и солнце поднялось на несколько градусов над линией горизонта.

3 апреля. — Я убедился, что мой шар находится на громадной высоте, так как выпуклость земли сделалась ясно заметной. Подо мной, на океане, можно было различить какие-то темные пятна, — без сомнения, острова. Небо казалось агатово-черного цвета, звезды ярко блистали; они не исчезали с первого дня моего путешествия. Далеко, по направлению к северу, я заметил тонкую, белую, ярко блестящую линию или полосу на краю неба, в которой, не колеблясь, признал южную окраину полярных льдов. Мое любопытство было сильно возбуждено, так как я рассчитывал подняться дальше к северу и, может быть, пролететь над самым полюсом. Я сожалел, что громадная высота, на которой я находился, не позволит мне осмотреть его, как следует. Но все-таки я мог заметить многое.

Ничего особенного не случилось в течение дня. Все мои приборы действовали исправно, и шар поднимался

без всяких сотрясений. Сильный холод заставил меня плотнее закутаться в пальто. Когда земля оделась ночной тьмой, я улегся спать, хотя еще много пасов спустя вокруг моего шара стоял белый день. Водяные часы точно исполняли свою обязанность, и я спокойно проспал до утра, пробуждаясь, чтобы возобновить атмосферу.

4 апреля. — Встал здоровым и бодрым, и был поражен странной переменной в наружном виде океана. Он утратил темно-голубую окраску и казался серовато-белого, ослепительно блестящего цвета. Выпуклость океана выступила так четко, что громада воды, находившейся подо мною, точно низвергалась в пучины по краям неба, и я невольно прислушивался, стараясь различить шум водопада. Островов не было видно, потому что они исчезли за горизонтом в юго-восточном направлении, или громадная высота, на которой я находился, не позволяла их видеть. Последнее предположение казалось мне более вероятным. Полоса льда на севере выступала все яснее. Холод не увеличивался. Ничего особенного не случилось, и я провел день за чтением книг, которые захватил с собою.

5 апреля. — Отмечаю любопытный феномен восхода солнца, при чем, однако, вся видимая поверхность земли осталась в темноте. Мало-по-малу, однако, она осветилась, и полоса льдов снова показалась на севере. Теперь она выступала очень ясно и казалась гораздо темнее, чем воды океана. Я, очевидно, приближался к ней, — и очень быстро. Мне казалось, что я различаю полосу земли на востоке и на западе, но я не был в этом уверен. Температура умеренная. В течение дня не случилось ничего особенного. Рано лег спать.

6 апреля. — Был удивлен, увидев полосу льда на очень близком расстоянии, и бесконечное ледяное поле, простиравшееся к северу. Если шар сохранит то же направление, то я скоро буду над Ледовитым океаном и, без сомнения, увижу полюс. В течение дня я постоянно приближался к льдам. К ночи пределы моего горизонта неожиданно и значительно расширились, без сомнения, потому, что земля имеет форму сплюснутого сфероида, и я находился теперь над плоскими областями в пределах полярного круга. Когда наступила ночь, я лег спать в

беспокойстве, опасаясь, что предмет моего любопытства ускользнет от моих наблюдений вследствие ночной темноты.

7 апреля. — Встал рано утром, и к своей великой радости, увидел северный полюс. Невозможно было сомневаться, что он находится как раз подо мною, но, увы! Я был на такой высоте, что ничего не мог различить ясно. В самом деле, если составить прогрессию моего восхождения на основании чисел, указывавших высоту шара в различные моменты между шестью утра 2-го апреля и девятью без двадцати минут вечера того же дня (когда барометр перестал действовать), то теперь, в четыре утра седьмого апреля, шар должен был находиться на высоте не менее 7,254 миль над поверхностью моря. (С первого взгляда эта цифра может показаться чрезмерной, но, по всей вероятности, она уступала действительной.) Во всяком случае я видел всю площадь, соответствовавшую большому диаметру земли; все северное полушарие лежало подо мною подобно карте в ортографической проекции, и линия моего горизонта ограничивалась экватором. Итак, ваши превосходительства без труда поймут, что находившиеся подо мною неизведанные области в пределах полярного круга являлись на таком громадном расстоянии и в таком уменьшенном виде, что рассмотреть их в подробности было невозможно. Тем не менее, мне удалось видеть кое-что замечательное. К северу от вышеупомянутой линии, которую можно считать крайним пределом человеческих открытий в этих областях, расстилалось сплошное или почти сплошное ледяное поле. Поверхность его, сначала плоская, мало-помалу понижалась, принимая заметно вогнутую форму и заканчиваясь у самого полюса круглой, резко ограниченной впадиной. Последняя казалась гораздо темнее остального полушария, — местами черного, как уголь, цвета. Диаметр впадины соответствовал углу зрения в шестьдесят пять секунд. Больше ничего нельзя было различить. К двенадцати часам впадина значительно уменьшилась, а в семь пополудни я потерял ее из вида: шар миновал западную окраину льдов и несся по направлению к экватору.

8 апреля. — Видимый диаметр земли сильно уменьшился, окраска совершенно изменилась. Вся доступная наблюдению площадь казалась бледножелтого цвета различных оттенков, а местами блестела так, что больно было смотреть. Кроме того, мне сильно мешала земная атмосфера, насыщенная испарениями, сквозь которые я лишь изредка мог видеть самую землю. В течение последних сорока восьми часов эта помеха давала себя чувствовать в более или менее сильной степени, а при настоящей высоте шара груды облаков еще теснее сблизились в поле зрения, и наблюдение становилось все труднее. Тем не менее я убедился, что шар находится над областью великих озер в Северной Америке, направляясь к югу, к тропикам. Это обстоятельство очень обрадовало меня, так как сулило успех моему предприятию. В самом деле, направление, которого я держался до сих пор, крайне тревожило меня, так как продолжая лететь в том же направлении, я бы вовсе не попал на луну, орбита которой наклонена к эклиптике под небольшим углом в $5^{\circ} 8' 48''$. Странно, что я так поздно уразумел свою ошибку: мне следовало отправиться из какого-нибудь пункта в плоскости лунного эллипса.

9 апреля. — Диаметр земли значительно уменьшился, окраска приняла более яркий желтый оттенок. Шар направляется к югу, и в 9 утра достиг северной окраины Мексиканского залива.

10 апреля. — Около пяти часов утра меня разбудил оглушительный треск, которого я решительно не мог себе объяснить. Он длился всего несколько мгновений и не походил ни на один из слышанных мною доселе звуков. Нечего и говорить, что я страшно перепугался; в первую минуту мне показалось, что шар лопнул. Я осмотрел все свои приборы, они оказались в порядке. Большую часть дня провел в размышлениях об этом странном приключении, но не мог придумать никакого объяснения. Лег спать в крайнем беспокойстве и волнении.

11 апреля. — Диаметр земли поразительно уменьшился. В первый раз заметил значительное увеличение диаметра луны. Теперь требовалось не мало труда и вре-

мени, чтобы сгущать воздух в достаточном для дыхания количестве.

12 апреля. — Замечательное изменение произошло в направлении шара, и хотя я предвидел его заранее, но все-таки обрадовался несказанно. Достигнув двадцатой параллели южного полушария, шар внезапно повернул под острым углом на восток, и весь день сохранял это направление, двигаясь в плоскости лунного эллипса. Достоинно замечания, что следствием этой перемены было довольно заметное колебание корзины, ощущавшееся в течение нескольких часов.

13 апреля. — Снова был встревожен громким треском, от которого кровь застыла у меня в жилах. Долго думал об этом явлении, но ничего не мог придумать. Значительное уменьшение диаметра земли: теперь его угловая величина была гораздо менее двадцати пяти градусов. Луна находилась в зените, так что я не мог ее видеть. Шар попрежнему двигался в ее плоскости, переместившись несколько на восток.

14 апреля. — Поразительно быстрое уменьшение диаметра земли. Шар, повидимому, поднялся над линией абсид по направлению к перигелию, то есть, иными словами, стремился прямо к луне, в пункте ее орбиты, ближайшем к земному шару. Это обстоятельство произвело на меня сильное впечатление. Сама луна находилась над моей годовой, то есть была недоступна наблюдению. Возобновление атмосферы в камере требовало усиленного и продолжительного труда.

15 апреля. — На земле нельзя разобрать даже очертаний материков и морей. Около полудня я в третий раз услышал загадочный треск, так изумивший меня раньше. Теперь он длился несколько секунд, постепенно усиливаясь. Оцепенев от ужаса, я ожидал какой-нибудь страшной катастрофы, — когда корзину сильно встряхнуло, и мимо моего шара пронеслась с ревом, свистом, грохотом огромная огненная масса. Оправившись от ужаса и изумления, я сообразил, что это должен быть вулканический обломок, выброшенный с планеты, к которой я так быстро приближался, и, по всей вероятности, принадлежащий

к разряду странных камней, которые попадают иногда на нашу землю и называются метеорами.

16 апреля. — Сегодня, заглянув в боковые окна камеры, я увидел, к своему великому удовольствию, край лунного диска, выдававшийся со всех сторон над шаром. Я был очень взволнован, чувствуя, что скоро наступит конец моему опасному путешествию. Действительно, возобновление атмосферы требовало таких усилий, что отнимало у меня все время. Спать почти не приходилось. Я чувствовал страшное утомление и совсем обессилел. Человеческая природа не способна выдерживать долго такие страдания. Во время коротенькой ночи мимо меня пронесся метеор. Частое повторение этих явлений не на шутку стало пугать меня.

17 апреля. — Сегодня — достопамятный день моего путешествия. Если припомните, 13 апреля угловая ширина земли достигала всего двадцати пяти градусов. Четырнадцатого она значительно уменьшилась, пятнадцатого еще больше, а шестнадцатого, укладываясь спать, я отметил угол в семь градусов пятнадцать минут. Каково же было мое удивление, когда, пробудившись после непродолжительного и беспокойного сна утром семнадцатого апреля, я увидел, что поверхность, находившаяся подо мною, вопреки всяким ожиданиям, увеличилась и достигала не менее тридцати девяти градусов в угловом диаметре! Меня точно обухом по голове ударили. Безграничный, судорожный ужас — которого не передашь никакими словами — охватил, ошеломил, раздавил меня. Колени мои дрожали, зубы стучали, волосы поднялись дыбом. — «Значит, шар лопнул!» — мелькнуло в моем уме. — «Шар лопнул! — я падаю! — падаю с невероятной, неслыханной быстротой! Судя по тому громадному пространству, которое я уже пролетел, не пройдет и десяти минут, как я ударюсь о землю и разобьюсь в дребезги». — Наконец, ко мне вернулась способность размышления; я опомнился, подумал, стал сомневаться. Это решительно невозможная вещь. Не мог я так быстро опуститься. К тому же, хотя я, очевидно, приближался к поверхности, расстилавшейся подо мною, но вовсе не так быстро, как мне показалось в первую минуту. Эти раз-

мышления несколько успокоили меня, и я, наконец, понял в чем дело. Если бы испуг и удивление не отбили у меня всякую способность наблюдать и соображать, — я бы с первого взгляда заметил, что поверхность, находившаяся подо мною, ничуть не похожа на поверхность моей матери-земли. Последняя находилась теперь вверху, над моей головой, а внизу, под моими ногами, была луна — во всем ее великолепии.

Мое изумление при таком необычайном повороте дел непонятно мне самому. Это *bouleversement* не только было совершенно естественно и необходимо, но я заранее знал, что оно совершится, когда шар достигнет того пункта, где земное притяжение уступит место притяжению луны — или, точнее, тяготение шара к земле будет слабее его тяготения к луне. Правда, я только-что проснулся и не успел еще придти в себя, когда заметил поразительное явление, которое, хотя и мог предвидеть, но в настоящую минуту вовсе не ожидал. Без сомнения, поворот шара произошел спокойно и постепенно, и если бы я даже проснулся во-время, то вряд ли мог заметить его по какому-нибудь изменению внутри камеры.

Нужно ли говорить, что, опомнившись после первого изумления и ужаса: и ясно сообразив, в чем дело, я с жадностью принялся рассматривать поверхность луны. Она расстилалась подо мною, точно на карте, и хотя находилась еще на очень далеком расстоянии, но все очертания выступали вполне ясно. Полное отсутствие океанов, морей, даже озер и рек, словом, какого бы то ни было водяного бассейна, сразу бросилось мне в глаза, как самая поразительная черта лунной орографии. При всем том, как это ни странно, я мог различить обширные низменности, очевидно наносного характера, хотя большая часть поверхности была усеяна бесчисленными вулканами конической формы, которые казались скорее насыпными, чем естественными возвышениями. Самый высокий не превышал трех или трех с четвертью миль. Впрочем, карта вулканической области Флегрейских полей даст вашим превосходительствам лучшее понятие об этом ландшафте, чем какое-либо описание. Большая часть вулканов находилась в действующем состоянии, и я мог судить

о бешенстве и силе извержений по залпам метеорных камней, которые все чаще и чаще пролетали мимо шара.

18 апреля. — Объем луны значительно увеличился, и быстрота моего спуска стала сильно тревожить меня. Я уже говорил, что мысль о существовании лунной атмосферы, плотность которой соответствует массе планеты, играла важную роль в моих соображениях о путешествии на луну, — несмотря на противоположные теории и общее убеждение в отсутствии какой-либо атмосферы на нашем спутнике. Но, независимо от вышеупомянутых соображений насчет кометы Энке и зодиакального света, мое мнение находило сильную поддержку в некоторых наблюдениях г. Шрётера. Он наблюдал луну на третий день после новолуния, вскоре по закате солнца, когда темная часть диска была еще невидима, и продолжал наблюдения до тех пор, пока она осветилась. Оба рога казались удлинненными в виде тонких бледных кончиков, слабо освещенных лучами заходящего солнца. Вскоре по наступлении темноты весь темный край осветился. Я объясняю это удлинение рогов преломлением солнечных лучей в лунной атмосфере. Высоту этой атмосферы (которая может преломлять достаточное количество лучей, чтобы произвести в темной части диска освещение, вдвое более сильное, чем свет, отражаемый от земли, когда луна отстоит на 32° от точки новолуния) я принимал в 1356 парижских футов; следовательно, максимальную высоту преломления солнечного луча — в 5376 футов. Подтверждение моих взглядов я нашел в восьмидесяти втором томе *Philosophical Transactions*, где говорится об оккультации спутников Юпитера, при чем третий спутник сделался неясным за $1''$ или $2''$ до исчезновения, а четвертый исчез на некотором расстоянии от диска¹⁾.

¹⁾ Гевелиус пишет, что наблюдая луну на одинаковой высоте на одном и том же расстоянии от земли, в один и тот же преломительный телескоп, при совершенно ясном небе, когда даже звезды шестой и седьмой величины были видны, — он, однако, не всегда находил ее одинаково ясной. Условия наблюдения показывают, что причину этого явления нельзя искать в нашей,

От степени сопротивления или, вернее сказать, от поддержки, которую эта предполагаемая атмосфера могла оказать моему шару, всецело зависел благополучный исход путешествия. Если же я ошибся, то мог ожидать только финала своих приключений: мне предстояло разлететься в атомы, ударившись о скалистую поверхность спутника. Судя по всему, я имел полное основание опасаться подобного финала. Расстояние до луны было сравнительно ничтожное, а работа при возобновлении атмосферы в камере ничуть не уменьшилась, и я не замечал никаких признаков возрастания плотности атмосферы.

19 апреля. — Сегодня утром, около девяти часов, когда поверхность луны страшно приблизилась и мои опасения дошли до крайних пределов, насос конденсатора, к великой моей радости, обнаружил, наконец, очевидные признаки изменения атмосферы.

К десяти часам плотность ее значительно возросла. К одиннадцати аппарат требовал уже ничтожных усилий, а в двенадцать я решился, после некоторого колебания, ослабить tourniquet и, убедившись, что никаких вредных результатов отсюда не воспоследовало, развязал гуттаперчевый мешок и отогнул его края. Как и следовало ожидать, непосредственным результатом этого чересчур поспешного и рискованного опыта была жестокая головная боль и удушье. Но так как они не угрожали опасностью моей жизни, то я решился претерпеть их в надежде на облегчение, когда спущусь в более плотные слои атмосферы. Спуск, однако, происходил с невероятной быстротою, и хотя мои расчеты на лунную атмосферу, плотность которой соответствует массе спутника, повидимому, оправдывались, но я очевидно ошибся, думая, что она способна поддержать корзину со всем ее грузом. А

атмосфере, в свойствах инструмента, в глазу наблюдателя, что она коренится в чем-то (атмосфере?), присущем самой луне.

Кассини часто замечал, что при оккультации Сатурна, Юпитера, неподвижных звезд, их круглая форма изменяется в овальную, в момент сближения с лунным диском, хотя при многих оккультациях этого изменения формы не наблюдается. Отсюда можно заключить, что, по крайней мере, по временам, лучи планет и звезд встречают лунную атмосферу и преломляются в ней.

между тем этого должно было ожидать, так как сила тяготения и, следовательно, вес предметов тоже соответствуют массе планеты. Но, головокружительная быстрота моего спуска ясно доказывала, что этого не было на самом деле. Почему?.. единственное объяснение я вижу в тех геологических возмущениях, на которые намекал выше. Во всяком случае я находился теперь очень близко от луны и стремился к ней с страшною быстротой. Итак, не теряя ни минуты, я выбросил за борт балласт, бочки с водой, затем сгущающий прибор, каучуковую камеру, наконец, все, что только было в корзине. Ничто не помогало. Я попрежнему падал с быстротой ужасающей и находился самое большее в полумиле от поверхности. Оставалось последнее средство: выбросив сюртук и сапоги, я отрезал самую корзину, повис на веревках и успев только заметить, что вся площадь, находившаяся подо мной, насколько видит глаз, усеяна крошечными домиками, — очутился в центре странного фантастического города, среди толпы уродцев, которые, не говоря ни слова, не издавая ни звука, словно сборище идиотов, потешно скалили зубы и, подбоченившись, разглядывали меня и мой шар. Я с презрением отвернулся от них и, взглянув вверх, на землю, так недавно и, может быть, навсегда, покинутую мною, — увидел ее в виде большого, тусклого, медного щита, около двух градусов в диаметре, покоившегося высоко над моей головой, при чем один край его, в форме серпа, горел ослепительным золотым блеском. Никаких признаков воды или суши нельзя было разглядеть, — ничего, кроме тусклых, изменчивых пятен.

Так, с позволения ваших превосходительств, после жестоких страданий, неслыханных опасностей, невероятных приключений, в девятнадцатый день со времени моего отбытия из Роттердама, — я благополучно закончил свое путешествие, — без сомнения, самое необычайное и самое достопамятное из всех путешествий, когда-либо совершенных, предпринятых или задуманных жителями земли. Но рассказ о моих приключениях еще далеко не кончен. Ваши превосходительства сами понимают, что, проведя около пяти лет на планете, не только по своим

особенностям, но и в виду своей тесной связи с миром, обитаемым людьми, я мог бы сообщить Астрономическому обществу немало вещей, гораздо более интересных, чем описание моего путешествия, как бы оно ни было замечательно само по себе. И я действительно могу сообщить многое, и сделал бы это с величайшим удовольствием. Я мог бы рассказать вам о климате луны, об удивительных переменах температуры, о невыносимом, тропическом зное, который сменяется почти полярным холодом, о постоянном перемещении влаги, вследствие испарения, точно *in vacuo*, из пунктов, находящихся под солнцем, в пункты, наиболее удаленные от него; об изменчивом поясе текущих вод; о здешнем населении, его обычаях, нравах, политических учреждениях; об особенной организации здешних обитателей, об их уродливости, отсутствии ушей, придатков совершенно излишних в этой атмосфере, о своеобразном способе объяснения, заменяющем здесь дар слова, которого лишены лунные жители, — о таинственной связи между каждым обитателем на луне и соответственным обитателем на земле (подобная же связь существует между орбитами планеты и спутника) — благодаря которой жизнь и участь обитателей одного мира теснейшим образом переплетаются с жизнью и судьбами обитателей другого, а главное — главное, ваши превосходительства — об ужасных и отвратительных явлениях на той стороне луны, которая, вследствие удивительного совпадения периодов вращения спутника вокруг собственной оси и обращения его вокруг земли, недоступна и, к счастью, никогда не делается доступной земным телескопам. Все это — и много, много другого — я охотно изложил бы в подробном сообщении. Но — скажу прямо — я требую награды за это. Я жажду вернуться к родному очагу, к семье, и в награду за дальнейшие сообщения — принимая в соображение, какой свет я могу пролить на многие отрасли физического и метафизического знания — желал бы выхлопотать себе, через посредство вашего почтенного общества, прощение за убийство трех кредиторов при отбытии из Роттердама. Такова цель настоящего письма. Податель его, один из жителей луны, которому я втолковал все, что нужно,

к услугам ваших превосходительств, — он сообщит мне о прощении, буде его можно выхлопотать.

Примите и проч. ваших превосходительств покорнейший слуга

Ганс Пфалль».

Окончив чтение этого необычайного послания, профессор; Рубадуб, говорят, даже трубку выронил от изумления, а мингер Супербус фон Ундердук снял очки, вытер их, положил в карман и от удивления забыл о своем достоинстве до того, что три раза, повернулся волчком. Разумеется, прощение будет выхлопотано, — об этом и толковать нечего. Так, по крайней мере, поклялся в самых энергических выражениях профессор Рубадуб. То же подумал и блистательный фон Ундердук, когда, опомнившись от изумления, взял под руку своего ученого собрата и направился домой обсудить на досуге, как лучше взяться за дело. Однако, у дверей бургомистрова дома, профессор решил заметить, что так как посланец с луны уехал обратно — без сомнения, испуганный суровой и дикой наружностью роттердамских граждан, — то и прощение окажется ни к чему, ибо вряд ли кто-нибудь, кроме обитателя луны, отважится на такое путешествие. Бургомистр признал справедливость этого замечания, чем и кончилось все дело. Но не кончились толки и сплетни. Письмо было напечатано и вызвало много разговоров и споров. Нашлись умники, не побоявшиеся выставить самих себя в смешном виде, утверждая, будто все это происшествие чистая выдумка. Но у этих господ выдумкой называется все, что выше их разумения. Я, со своей стороны, решительно не понимаю, на чем они основывают свое обвинение.

Вот их доказательства:

Во-первых. — В городе Роттердаме есть такие-то (имя рек) шутники, которые имеют зуб против таких-то (имя рек) бургомистров и астрономов.

Во-вторых. — Уродливый карлик-фокусник с начисто отрезанными за какую-то проделку ушами, недавно исчез куда-то из соседнего города Брюгге и не возвращался в течение нескольких дней.

В третьих. — Газеты, из которых был склеен шар, — голландские газеты; стало быть, не на луне отпечатаны. Они были очень грязны, и типографщик Глюк готов поклясться на библии, что никто иной, как он сам печатал их в Роттердаме.

В четвертых. — Пьяницу Ганса Пфалля с тремя бездельниками, будто бы его кредиторами, видели два или три дня тому назад в кабаке, в предместьях Роттердама: они были при деньгах и только-что вернулись из поездки за море.

Наконец, — что, согласно общепринятому (по крайней мере, оно должно быть общепринятым) мнению, астрономическая коллегия в городе Роттердаме, подобно всем другим коллегиям во всех других частях света — оставляя в стороне коллегии и астрономов вообще — ничуть не лучше, не выше, не умнее, чем следует быть коллегии.

Примечание. — Строго говоря, наш беглый очерк представляет очень мало общего с знаменитой «Moon-Story» мистера Локка, но так как оба рассказа имеют характер выдумки (хотя один написан в шутовском, другой в совершенно серьезном тоне), оба трактуют об одном и том же предмете, мало того, — в обоих правдоподобие достигается с помощью научных подробностей, — то автор «Ганса Пфалля» считает необходимым заметить, в видах самозащиты, что его игра ума была напечатана в «Южном литературном Вестнике» за три недели до появления рассказа мистера Локка в «Нью-Йоркском Солнце». Тем не менее, некоторые нью-йоркские газеты, усмотрев между обоими рассказами сходство, которого, быть может, не существует на деле, решили, что они принадлежат перу одного и того же автора.

Так как читателей, обманутых «Басней о Луне», гораздо больше, чем сознавшихся в своей легковерии, то мы считаем не лишним остановиться на этом рассказе, то-есть указать те его особенности, которые должны бы были устранить возможность подобного легковерия, так как

обнаруживают истинный характер этого произведения. В самом деле, при всем богатстве воображения остроумного автора, произведение его сильно хромает в смысле убедительности, вследствие недостаточного внимания к фактам. Если публика могла хоть на минуту поверить ему, то это лишь доказывает ее глубокое невежество по части астрономии.

Расстояние луны от земли, круглым числом, 240,000 миль. Чтобы узнать, насколько сократится это расстояние, благодаря телескопу, нужно разделить его на цифру, выражающую степень увеличительной силы последнего. Телескоп, фигурирующий в рассказе мистера Локка, увеличивает в 42,000 раз. Разделив на это число 240,000 (расстояние луны), получаем пять и пять седьмых миль. На таком расстоянии невозможно различить никаких животных, а тем более мелочей, о которых упоминается в рассказе. У мистера Локка сэр Джон Гершель усматривает на луне цветы (*Paraveg Rhoeas* и др.), даже различает форму и цвет глаз маленьких птичек. А незадолго перед тем сам автор говорит, что в его телескоп нельзя рассмотреть предметы менее восемнадцати дюймов в диаметре. Но и это преувеличение: для таких предметов требуется гораздо более сильный об'ектив. Заметим мимоходом, что чудовищный телескоп мистера Локка приготовлен в мастерской гг. Гартлей и Грант в Домбартоне; но гг. Гартлей и Грант прекратили свою деятельность за несколько лет до появления этой сказки.

На странице 13 отдельного издания, упоминая о «волосяном покрове» на глазах буйвола, автор говорит: «Проницательный ум доктора Гершеля усмотрел в этом покрове приспособление, устроенное самим провидением для защиты глаз животного от резких перемен света, и темноты, которым периодически подвергаются все обитатели луны, живущие на стороне, обращенной к нам». Подобное замечание отнюдь не свидетельствует о «проницательности» доктора. Обитатели, о которых идет речь, никогда не бывают в темноте; следовательно, не подвергаются резким световым переменам. В отсутствии солнца, они получают от земли освещение, равное по яркости свету четырнадцати лун.

Топография луны у мистера Локка, даже там, где он старается согласовать ее с картой луны Блента, расходитя не только с этой и всеми остальными картами, но и сама с собой. Относительно стран света царит страшная путаница; автор, повидимому, не знает, что на лунной карте они расположены в обратном порядке сравнительно с землей: восток приходится налево, etc.

Мистер Локк, быть может, приведенный в заблуждение названиями *Mare Nubium*, *Mare Tranquillitatis*, *Mare Foecunditatis*, etc., которыми прежние астрономы окрестили темные пятна (луны), очень обстоятельно описывает океаны и другие обширные водные бассейны на луне; между тем, отсутствие подобных бассейнов — доказанный факт. Граница между светом и тенью на убывающем или растущем серпе, пересекая темные пятна, образует ломаную зубчатую линию; будь эти пятна морями, она, очевидно, была бы ровною.

Описание крыльев человека — летучей мыши, на стр. 21, буквальная копия описания крыльев летающих островитян Петра Вилькинса. Уже одно это обстоятельство могло бы возбудить сомнение.

На стр. 23 читаем: «Какое чудовищное влияние должен был оказать наш земной шар, в четырнадцать раз превосходящий объемом своего спутника, — на природу последнего, когда, зарождаясь в недрах времени, оба были игрищем химических сил». Это очень хорошо сказано, конечно; но ни один астроном не сделал бы подобного замечания, особенно в научном журнале, так как земля не в четырнадцать, а в сорок девять раз превосходит объемом луну. То же можно сказать о заключительных страницах, где ученый корреспондент распространяется о Сатурне, по поводу некоторых недавних открытий, и дает подробное ученическое описание этой планеты — для «Эдинбургского Научного Журнала!»

Отметим одно обстоятельство, которое, в особенности, выдает автора. Допустим, что изобретен телескоп, с помощью которого можно разглядеть животных на луне, — что прежде всего бросится в глаза наблюдателю, находящемуся на земле? Без сомнения, не форма, не рост, не другие особенности, а странное положение лунных

жителей. Они явятся перед ним вверх ногами, как мухи на потолке. Не вымышленный наблюдатель не удержался бы от восклицания при виде этого странного положения (хотя бы предвидел его заранее); наблюдатель вымышленный не только не отметил этого обстоятельства, но говорит о форме тела, хотя мог видеть только диаметр головы!

Заметим, в заключение, что величина и, в особенности, силы человека-летучей мыши (например, способность летать в такой разреженной атмосфере, если, впрочем, на луне есть какая-нибудь атмосфера), противоречит всякой вероятности. Вряд ли нужно прибавлять, что все соображения, приписываемые Брюстеру и Гершелю в начале статьи, «насчет передачи искусственного света к предмету, находящемуся в фокусе поля зрения» и проч. и проч., относятся к разряду писаний, именуемых в просторечии ерундой.

Существует предел для оптического изучения звезд, — предел, о котором достаточно упомянуть, чтобы понять его значение. Если бы все зависело от силы стекол, человеческая изобретательность несомненно справилась бы в конце концов с задачей, и мы имели бы чечевицы каких угодно размеров. К несчастью, по мере возрастания увеличительной силы стекол, уменьшается, вследствие рассеяния лучей, сила света, испускаемого объектом. Этой беде мы не в силах помочь, так как видим объект только благодаря исходящему от него свету, — его собственному или отраженному. «Искусственный» свет, о котором толкует мистер Л., мог бы иметь значение лишь в том случае, если бы был направлен не на «объект, находящийся в фокусе поля зрения», а на действительный изучаемый объект, то-есть на луну. Не трудно вычислить, что, если свет, исходящий от небесного тела, достигнет такой степени рассеяния, при которой окажется не сильнее естественного света всей массы звезд в ясную, безлунную ночь, то это тело станет недоступным для изучения.

Телескоп лорда Росса, недавно построенный в Англии, имеет зеркало с отражающею поверхностью в 4,071 квадратный дюйм; телескоп Гершеля только в 1,811 дюймов.

Труба телескопа лорда Росса имеет 6 футов в диаметре, толщина ее на краях $5\frac{1}{2}$, в центре 5 дюймов. Фокусное расстояние 50 футов. Вес 3 тонны.

Недавно мне случилось прочесть любопытную и довольно остроумную книжку, на заглавной странице которой значится: «L'Homme dans la lune ou le Voyage Chimérique fait au Monde de la Lune, nouvellement découvert par Dominique Gonzales, Aventurier Espagnol, autrement dit le Courier Volant. Mis en notre langue par J. B. D. A. Paris, chez François Piot, près la Fontaine de Saint Benoist. Et chez J. Goignard au premier pilier de la grande salle du Palais, proche les Consultations, MDCXLVIII» pp. 176.

Автор говорит, что перевел книжку с английского подлинника некоего мистера д'Ависсона (Давидсон?), хотя выражается об этом крайне двусмысленно. «J'en ai eu,» — говорит он, — «l'original de Monsieur D'Avisson, médecin des mieux versez qui soient aujourd'huy dans la conoissance de Belles Lettres, et surtout de la Philosophie Naturelle. Je lui ai cette obligation entre les autres de m'avoir non seulement mis en main ce Livre en anglois, mais encore le Manuscrit du Sieur Thomas D'Anan, gentilhomme Eccossois, recommandable pour sa vertu, sur la version du cruel j'advoue que j'ay tiré le plan de la mienne».

После разных приключений во вкусе Жиль Блаза, рассказ о которых занимает первые тридцать страниц, автор попадает на остров Св. Елены, где возмутившийся экипаж оставляет его с служителем-негром. В видах успешнейшего добывания пищи они разошлись и поселились в разных концах острова. Потом им вздумалось устроить сообщение друг с другом посредством птиц, дрессированных на манер почтовых голубей. Мало по малу птицы выучились переносить небольшие тяжести, вес которых постепенно увеличивался. Наконец, автору пришлось в голову воспользоваться соединенными силами целой стаи птиц и подняться самому. Для этого он устроил машину, которая подробно описана и изображена в книжке. На рисунке мы видим синьора Гонзалеса в кружевных брыжах и огромном парике, верхом на какой-то штуке в роде метлы, уносимого стаей диких лебедей (ganzas), привязанных к машине за хвосты.

Главное приключение синьора обусловлено очень важным фактом, о котором читатель узнает только в конце книги. Дело в том, что ganzas, которых он приручил, оказываются уроженцами не острова Св. Елены, а луны. С незапамятных времен они ежегодно прилетают на землю, но в надлежащее время возвращаются домой. Таким образом, автор, рассчитывавший на непродолжительное путешествие, отправляется прямо вверх и в самое короткое время достигает луны. Тут он находит, в числе прочих курьезов, весьма счастливое население. Обитатели луны не знают законов, умирают без страданий; ростом они от десяти до тридцати футов; живут по пяти тысяч лет. У них есть император; по имени Ирдонозур; они могут подпрыгивать на высоту 60 футов и, выйдя таким образом из сферы притяжения, летать с помощью крыльев.

Не могу не привести здесь образчик философствования автора.

«Теперь я расскажу вам, — говорит синьор Гонзалес, — о природе тех мест, где я находился. Облака скопились под моими ногами, то-есть между мною и землей. Что касается звезд, то они все время казались одинаковыми, так как здесь вовсе не было ночи; они не блестели, а слабо мерцали точно на рассвете. Немногие из них были видимы и казались вдесятеро больше (приблизительно), чем когда смотришь на них с земли. Луна, которой недоставало двух дней до полнолуния, казалась громадной величины.

Не должно забывать, что я видел звезды только с той стороны земли, которая обращена к луне, и что, чем ближе они находились к ней, тем казались больше. Замечу также, что и в тихую погоду и в бурю, я всегда находился непосредственно между землей и луной. Я убедился в этом по двум обстоятельствам: во первых, лебеди поднимались все время по прямой линии; во вторых, всякий раз, когда они останавливались отдохнуть, мы нечувствительно двигались вокруг земного шара. Я разделяю мнение Коперника, согласно которому земля постоянно вертится с востока на запад не вокруг полюсов Равноденствия, называемых в

просторечии полюсами мира, а вокруг полюсов Зодиака. Об этом вопросе я намерен поговорить более подробно впоследствии, когда освежу в своей памяти сведения из астрологии, которую изучал я в молодости в Саламанке, но с тех пор успел забыть».

Несмотря на грубые ошибки, книжка заслуживает внимания, как простодушный образчик ходячих астрономических понятий того времени. Между прочим, автор думает, что «притягательная сила» земли действует лишь на незначительное расстояние от ее поверхности, и, согласно с этим «нечувствительно передвигается вокруг земного шара» и т. д.

Есть и другие «путешествия на луну», по достоинству не лучше этой книжки. Книжка Бержерака совершенно ничтожна. В третьем томе «*American Quarterly Review*» помещен обстоятельный критический разбор одного из таких «Путешествий», — разбор, который свидетельствует столько же о нелепости книжки, сколько о глубоком невежестве критика. Я не помню заглавия книжки, но способ путешествия еще глупее *ganzas* нашего приятеля синьора Гонзалеса. Путешественник случайно находит в земле особенный металл, притяжение которого к луне сильнее, чем к земле, устраивает из него ящик и улетает на луну. «Бегство Томаса О'Рурка» — не лишенная остроумия *jeu d'esprit*; книжка эта переведена на немецкий язык. Герой рассказа, Томас, — смотритель за дичью одного ирландского пэра, эксцентричные выходки которого послужили поводом к рассказу, — улетает на спине орла.

Цель упомянутых брошюр всегда сатирическая; тема — сравнение наших обычаев с обычаями жителей луны. Ни в одной из них не сделано попытки придать правдоподобный характер самому путешествию с помощью научных подробностей. Своеобразие «Ганса Пфяля» заключается в попытке достигнуть правдоподобия, в приложении научных принципов, насколько это допускает фантастический характер предмета.